

Городской театр.

„Н а д н ѣ“.

Пьеса М. Горькаго шла 8 го октября въ новомъ составѣ. Но наиболѣе новое впечатлѣніе произвелъ г. Бороздинъ въ роли Луки. Онъ совершенно отличается отъ прежнихъ исполнителей этой роли въ Нижнемъ. У г. Махаленко (игравшаго по образцу, созданному въ Художественномъ театрѣ г. Москвинымъ) на первый планъ выступила въ Лукѣ его житейская хитрость, его долгимъ упражненіемъ развившееся „себѣ на умѣ“. Лука является человекомъ почти черствымъ, во всякомъ случаѣ гуманизмъ его былъ головною.

Лука г. Бороздина былъ типомъ гораздо большей духовной цѣльности. Не разсудокъ только свѣтился въ его глазахъ, проникалъ въ рѣчь—это было мышленіе болѣе обширнаго размаха, притомъ согрѣтое чувствомъ. Ни суетливости, ни шутовства прежнихъ исполнителей въ этомъ Лукѣ не было. Онъ былъ серьезенъ, задумчивъ, грустенъ, безъ унынія, глубоко, мудро и кротоко. Доктораленъ онъ не былъ при этомъ нисколько: исчезновеніе скороговорки, нисколько однако не замѣненной лишнею медлительностію, сдѣлало рѣчь Луки проще, еще естественнѣе. Это была простота необыкновенная, точно вся сущность самой жизни, самой природы вылилась въ ней. Каждый афоризмъ старика пріобрѣталъ отъ нея двойную цѣнность, каждая искра его мысли горѣла яркимъ огнемъ. Изъ отдѣльных мѣстъ напомнимъ нѣсколько: актеръ силится вспомнить передъ старикомъ стихотвореніе, говоритъ муреныя слова—„аплодисменты“ и пр. Старикъ мыслитель не понимаетъ иностранныхъ словъ, но свѣтлый умъ его спокойно стремится проникнуть въ суть дѣла, послѣ немногихъ усилій усваиваетъ въ этомъ и находитъ цѣлебныя для души актера слова. Это было чудесно передано мимикой и рѣчью.—Убіеніе носится въ воздухѣ. Старикъ чувствуетъ его раньше, чѣмъ о немъ подумали будущіе его участники. Онъ залѣзаетъ на печь и въ нужную минуту гремитъ тамъ посудой. Потомъ идетъ къ Пеплу и говоритъ ему глубокія, знаменательныя слова, могущія имѣть вліяніе на всю его судьбу. Какъ величественъ въ своей мужицкой, бытовой картинности былъ тутъ его тонъ, тонъ судьи и отца! И первыя слова, сказанныя съ печки, дышали не лукавствомъ, не тонкой вроніей, какъ у прежнихъ исполнителей, а такимъ серьезнымъ предостереженіемъ, отъ котораго холодъ долженъ былъ пробѣгать по тѣлу Пепла. „На твое сиротское счастье я былъ тутъ!“—это прозвучало и просто, и торжественно.—Лука рассказываетъ о двухъ разбойникахъ, которыхъ пріютилъ, пригрѣлъ, которые были—„славные мужики!“ Этотъ рассказъ одинъ стоитъ послушать отъ г. Бороздина, такъ онъ художественъ. Какой красоты была полна, на прим., пауза послѣ словъ о томъ, что разбойники попросили „хлѣбца, Христа ради!“ И послѣ нея какъ значительны были слова: „вотъ те и разбойники! вотъ те и съ топоромъ!“

Остальные исполнители, какъ и слѣдовало ожидать, по массѣ трудныхъ ролей въ пьесѣ, были не всѣ хороши.

На первомъ планѣ надо поставить г. Горева. Зная его высокій лирическій талантъ, читатели

могутъ представить себѣ, какъ скорбно онъ передалъ напрасные порывы актера-алкоголика къ свѣту, къ возрожденію; какимъ мгновеннымъ жаромъ загорѣлось его лицо при утѣшеніяхъ старика; какъ вдохновенно было чтеніе имъ стиховъ о томъ, что солнце зажглось-бы снова въ мечтахъ безумца, если бъ перестало освѣщать землю.

Пепель (г. Кремлевъ) былъ одѣтъ, пожалуй, слишкомъ хорошо для ночлежки, хотя онъ и долженъ быть одѣтъ лучше другихъ. Говорилъ онъ нервно, задумчиво. Мимика его отлично передавала внутреннюю борьбу бѣднаго юноши, которому стыдно, особенно передъ возлюбленной, своей профессіи вора, но который, сознавая, что не онъ одинъ виноватъ въ ней, озлобляется на непонятныя часто ему, жестокия, окружающія его силы и изливаетъ злобу въ парадоксахъ, въ родѣ: „честь и совѣсть нужны тому, у кого сила да власть!“ Хороша была у Пепла минута, когда Лука сказалъ: „Я и жуликовъ уважаю!“ (тотъ сказалъ это безъ насмѣшки, со строгой думой и добротой) Лука попалъ въ больное его мѣсто — затронулъ его жажду самоуваженія. Благодарностью и любопытствомъ загорѣлись его глаза.

Г. Строгановъ въ роли барона напоминалъ прежнее его изящество, но слишкомъ иностранный акцентъ, принятый имъ, излишенъ: баронъ же вѣдь русскій.

Сатина игралъ г. Басмановъ. По первымъ его словамъ, по его отличному гриму, мы думали, что онъ дастъ что-то типичное и цѣльное. И дѣйствительно всѣ мѣста роли, гдѣ Сатинъ серьезенъ, были хороши. Хорошъ былъ наприм. монологъ о „человѣкѣ“. Но все дѣло испортили мѣста смѣха, даже улыбокъ: такой это былъ смѣхъ, приноровленный въ ролямъ фатовъ, что съ характеромъ Сатина, которому не до такого смѣха, совершенно не вязался.

Г. Зяновъ сыгралъ роль Костычева крайне неровно, съ отдѣльными лишь удачными интонаціями: то говорилъ въ носъ, то не въ носъ, употреблялъ то одни приемы, то другіе. Достаточной силы изображенія этого „дьявола“ не было.

Клещъ г. Звягинцевъ былъ въ спокойныхъ мѣстахъ недуренъ, но сцена проклятій проведена была только крикливо, безъ истиннаго подъема духа.

Настю г-жа Арди-Свѣтлова пересолила. Она все время играла полу-пьяную (чего на дѣлѣ нѣтъ), впадала въ лишній комизмъ и не вдохновилась тѣмъ неподдѣльнымъ романтизмомъ, который вложенъ въ роль.

Г-жа Максимова такъ же симпатично и натурально сыграла Наташу, какъ и весной.

Массовыя сцены шли менѣе удачно, чѣмъ весной, съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ; пляска мальчишекъ при сценѣ убійства слишкомъ рѣзко выдѣлялась.